

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

13

СОДЕРЖАНИЕ:

НЕГАТИВЫ.—О ПЕЛИКАНЪ.—О ПИРОЖКОВЪ.—АМФИТЕАТРИНЪ.—ТЕАТРЪ.—О КРАСОТЬ.
Н. ШЕБУЕВЪ.—МУЗЫКАЛЬНЫЙ МІРЪ.—СОЛЬНЫЙ НОМЕРЪ. В. СЕНИЛОВЪ.—ТЮРЬМО-
ВЪДѢНІЕ.—ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ.—СКАЗКИ.—КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ МИЛЛІАРДЕРОМЪ И ЧТО
ИЗЪ ЭТОГО ВЫШЛО.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—ЗВОНАРЬ.—ЭТЮДЪ.—СУМЕРКИ. ЕВГЕНІЙ ТУ-
ДЕРЬ.—ВЪ ИСПАНИИ. ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКІЙ.—БИБЛІОГРАФІЯ.—КНИГИ. МИМЪ.—ФЕЛЬЕ-
ТОНЪ.—ВИКТОРЪ. Н. ШЕБУЕВЪ.—АНКЕТА.

ЗВОНАРЬ.

Народъ уснуть. Стоитъ печально вѣче.
Покрился путь къ нему давно густой травой.
Колокола молчать. Не слышно вольной рѣчи.
Вокругъ лишь гомонъ птицъ, да вѣтра шумъ
и вой.

Но вотъ пришелъ звонарь. Тяжеловѣсный
Языкъ вдругъ раскачалъ рукой мятежной онъ.
Звучить ударъ... еще... Подъ сводъ небесный,
Рыдая и смѣясь, несется мощный звонъ.
Звонарь силенъ. Терпѣль онъ долго муки...
Въ груди колоколетъ мечь... И цѣль его ясна:
Заржавѣвшій языкъ кидаютъ въ гнѣвъ руки—
Онъ будить и зоветъ... Воспрянула страна,
И вновь живетъ, и вновь ликуетъ вѣче.
Къ нему течетъ народъ изъ избъ, шума мол-
вой.

И въ царствѣ сна слышать звонъ и рѣчи,
Владыки тьмы обгугъ... Имъ страшенъ день
живой.

Звонарь звонить...

ЕВГЕНІЙ ТУДЕРЬ.

ЭТЮДЪ.

Я печально гляжу на засохшія, милья розы.
На землѣ такъ недавно вселвастно ца-
рля весна...
Надо мной промелькнули живыя, весеннія гро-
зы,
Потянулись туманы, примчались сѣдые морозы
И разбили надежды, весною рожденныя, грезы...
И сковали все узами долгаго, зимняго
сна.
А еще такъ недавно цвѣли ароматныя, яркія
розы.

Надо мною висятъ неподвижно тюремные своды.

А недавно, я помню, сиялъ голубой небо-
сводъ.

Но осенней порой разразился ударъ непогоды
И, разбитый, я палъ. За рѣшеткой, лишенный
свободы,
Я извѣдалъ всю горечь тяжелой, житейской
невзгоды,
Безпроектной тоски, въ одинокій и
сумрачный годъ.

А еще такъ недавно я видѣлъ небесные своды.

ЕВГЕНІЙ ТУДЕРЬ.

СУМЕРКИ.

Смерклось. Последніе звуки органа
Замерли гдѣ-то въ осенней тѣни.
Двигались сонно въ пространствѣ тумана
Люди. Въ домахъ загорались огни.
Дождь моросилъ. По размытой дорогѣ,
Въ черной попонѣ, понуро плетясь,
Лошадь тащила на кладбище дроги,
Мѣря беззвучно копытами грязь.
Факельщикъ хмурый съ оранжевымъ носомъ,
Рыжую шляпу надвинувъ на лобъ,
Словно въ забытѣ надъ труднымъ вопросомъ,
Мирно дремалъ, примостившись на гробъ.
Низко нависло свинцовое небо.
Въ окна костлявый стучалъ недородъ:—
«Хлѣба, родимые, хлѣбушка... хлѣба!»—
Пѣсня неслась отъ воротъ до воротъ.
Гнулись другъ къ другу деревья нагія,
Словно осенней стыдѣя наготы.
И на погостѣ, какъ братья родные,
Жались другъ къ другу печально кресты.
Все тосковало. И въ звукахъ органа
Слышались слезы усталой страны:—
Нада ея незажившая рана,
Сердце просило ея—тишины.

ЕВГЕНІЙ ТУДЕРЬ.

О ПЕЛИКАНЪ.

Н. Н. Тютнева говоритъ:

— Я пріѣхала сюда требовать суда и
слѣдствія надо мною. Или новой ревизіи
Воспитательнаго Дома. Послѣ первой ре-
визіи, на которой я настояла, удалены
нѣкоторыя лица. Правда, они не нака-
заны по суду. Но я вовсе не требую на-
казанія ихъ. Мнѣ нѣтъ дѣла до лицъ,
до личностей. Мнѣ дѣло только до дѣла.
И разъ эти личности не могутъ больше
вредить дѣлу, для меня они совсѣмъ не
интересны. Но я утверждаю, что удале-
ніе этихъ лицъ не измѣнило въ корнѣ
положенія вещей. Воспитательный домъ,
какъ былъ, такъ и остался фабрикой ан-
геловъ. А между тѣмъ, есть ли во всемъ
мірѣ равное по идеѣ воспитательному
дому.

Эта идея такъ прекрасно выражена въ
символѣ «пеликанъ», который является

гербомъ для воспитательнаго дома.

Обыкновенный пеликанъ, величиною съ
лебедя, бѣлый, съ бурными маховыми
перьями, розовымъ налетомъ на спинѣ
и красными ногами.

Про него идетъ молва, что онъ кор-
митъ птенцовъ своею кровью и своимъ
мясомъ, разрывая свою грудь клювомъ...

Пеликанъ, отрывающій у себя отъ
груды кусокъ мяса.

И сухая грудь кормилицы воспитатель-
наго дома, награждающая ребенка сифи-
лисомъ!..

Какое дьявольское противорѣчіе сим-
вола и его воплощенія!..

Пеликанъ, отрывающій отъ своей гру-
ди кусокъ мяса...

И экономъ, обвѣшивающій и обмѣри-
вающій скудный паекъ кормилокъ и ня-
некъ.

Пеликанъ, отрывающій отъ своей гру-
ди кусокъ мяса.

И 18000 младенческихъ трупиковъ въ
годъ.

Пеликанъ... и растрата 400,000 рублей,
о которой писалось безъ результата въ
«Руси» и въ «Русскомъ Словѣ».

Пеликанъ и... топление, душеніе, зара-
женіе, истязаніе и отравленіе питомокъ,
бѣгство ихъ, куда глаза глядятъ...

Пеликанъ и... сумасшедшій домъ, куда
изъ воспитательнаго переселились многія
страдалицы...

Пеликанъ... и все то, что уже опубли-
ковано было въ газетахъ и то, что бу-
детъ на-дняхъ опубликовано...

Пеликанъ... и бубновый тузъ колоды
игральныхъ картъ.

Какая жестокая иронія!

Какое издѣвательство надъ пелика-
номъ!

Пеликанъ съ бубновымъ тузомъ на
спинѣ...

Это провиденціально...

НА ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ГОРИЗОНТѢ.

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА

ВЫХОДИТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 20 НОМЕРОВЪ 1 РУБЛЬ 50 КОП.
СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦѢ ПО 60 КОП.
НА ПОСЛѢДНЕЙ ПО 30 КОП. ЗА СТРОКУ НОНПАРЕЛЯ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ И РЕДАКЦИИ: КОВЕНСКИЙ, 14
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 1 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.

ВЪ КОНТОРѢ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩАЯ ИЗДАНИЯ Н. Г. ШЕБУЕВА:

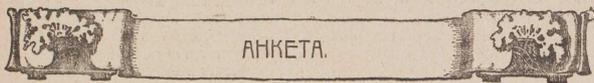
ВСѢ ВЫШЕДШІЕ НОМЕРА ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА

№№ 2, 3 и 4 „ПУЛЕТА“ по 10 коп., (съ пересылкой 15 коп.).
выпуски 1, 2 и 3 „СОЧИНЕНІЯ ШЕБУЕВА“ по 15 коп.
съ пересылкой 20 коп. за выпускъ
книжки: 1) „БЕЗЪ ПРЕВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ“—35

ЮРИСТИЧЕСКИХЪ РАСКЗОВЪ (ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
СЪ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ И. М. ГРАБОВСКАГО).
2) „ЯПОНСКІЕ ВЕЧЕРА“ И НЕГАТИВЫ ИЗЪ РУСИ.
3) „НЕГАТИВЫ“ ИЗЪ РУССКАГО СЛОВА.
4) „НЕГАТИВЫ“ ИЗЪ РУСИ.

ЦѢНА КАЖДОЙ КНИЖКИ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ВЪ Г. МОСКВѢ ГАЗЕТУ ШЕБУЕВА МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВЪ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ А. А. ЯРЦЕВА, СДОВАЛ-
ТРИУМФАЛЬНАЯ, БЛИЗЪ М. ДМИТРОВКИ, Д. ПЕРСИЦЪ, КВ. 58.

АНКЕТА.

Безъ преувеличенія могу сказать, что половина всѣхъ полученныхъ мной писемъ вызвана талантливымъ письмомъ Капитана.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ напечатать и десятой доли полученныхъ возраженій, разясненій, или дополненій къ этому письму.

Вотъ почему я и прошу самого Капитана зайти къ мнѣ, какъ-нибудь отъ 11 до 12 часовъ, и лично разбраться въ вероухъ мыслей, поднятыхъ его постановкой темы.

Однимъ изъ коренныхъ противорѣчій является вопросъ, гдѣ искать спасенія: внутри или извне.

Въ себѣ или въ социальной средѣ. Часть корреспондентовъ горячо отстаиваетъ мнѣние, что лишь социальные условия измѣняютъ половыя условия жизни.

Другіе же, какъ С. Б., еще болѣе горячо доказываютъ, что это абсурдъ.

Социальныя, дескать, условия сами по себѣ, а половыя—сами по себѣ.

«Позвольте сказать нѣсколько словъ по поводу письма Капитана.

«Только когда новая буря принесетъ новую жизнь, засылетъ пылью трупы на дорогѣ и очиститъ воздухъ, только тогда половой вопросъ можетъ быть поставленъ въ серьезъ».

О какой бурѣ говоритъ Капитанъ? Если о революціонной, то почему во Франціи, гдѣ въ «буряхъ» недостатка не было, половой вопросъ не уступаетъ по своимъ размѣрамъ нашему, если не превосходитъ?

Да при чемъ же тутъ буря? Она, можетъ быть, увеличить благосостояніе трудящихся, но качественно не сдѣлаетъ насъ лучшими.

Богачи не цѣломудреннѣе бѣдняковъ. Если нынѣ дочери народа продаютъ себя за деньги, то при увеличившемся благосостояніи онѣ дадутъ себя даромъ, какъ даютъ себя нынѣ женщины богатыхъ классовъ.

Именно въ такой, такъ сказать, безкорыстной формѣ, развратъ проникаетъ въ деревню.

Какии же переворотами, политическими или социальными, можно вытравить порокъ изъ душъ людей?

Въ Парижѣ, мнѣ рассказывали, есть рестораны, гдѣ прислуга—голая женщины.

Когда у насъ будетъ республика, вѣроятно, устроимъ то же...

А пока, удовлетворимся заботливостью нашей самодержавной полиціи, охраняющей наши нравы отъ вліянія «вредныхъ» газетъ...

Творцы революцій, революціонеры и общественные дѣятели, своимъ личнымъ поведеніемъ доказываютъ недостаточность «бури» для очищенія воздуха.

«Во всемъ, де, виноваты, правитель-ство, строй. Когда и то и другое измѣнится, и мы будемъ лучше».

Въ будущемъ, отдаленномъ или близкомъ, когда люди будутъ лучше, дѣтямъ, разумѣемъ, легче будетъ вести здоровую нравственную жизнь.

Но какъ оно наступитъ, это будущее? Кто же намъ «очиститъ воздухъ»?

Мы сами, каждый изъ насъ. Большие некому.

Не бѣда, что насъ плохо воспитываютъ, что жизнь грязна и полна соблазновъ и что мы рано падаемъ въ бездну порока.

И вообще, паденье вовсе не означаетъ, по моему, дѣйствительнаго паденія.

Установился взглядъ, будто за первымъ «паденьемъ» человѣкъ летитъ безвозвратно въ пропасть.

Это недоразумѣніе.

Человѣкъ, не сумѣвшій побороть свои инстинкты, иногда сворачиваетъ съ прямого, природнаго пути, но нигде не падаетъ. Онъ можетъ въ любой моментъ остановиться и переимѣнить направленіе.

Если же онъ этого не можетъ, то никакія внѣшнія причины не помогутъ.

Странно не «паденіе», а отсутствіе искренняго и твердаго желанія исправиться.

Никогда не бываетъ поздно. И этотъ, искренно сознательный свой грѣхъ, хотя погибающій въ болѣзнь венерикъ, не опоздалъ, даже если скоро умереть.

Умремъ всѣ, умрутъ и цѣломудренныя, но «воздухъ очищается», и этому содѣйствуетъ погибающій венерикъ.

Спасенье только въ насъ самихъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, проѣздомъ чрезъ одинъ провинціальный городъ, я рѣшилъ отправиться въ домъ терпимости. Пришлось идти длинными темными улицами и переулками. Раздумывая о своемъ предстоящемъ поступкѣ, я хота «бичеваль» себя, но все же находилъ оправданія: тяжесть жизни, среда, тоска, душевный холодъ и т. д. Такъ я дошелъ до краснаго фонаря. Только на порогѣ дома я почувствовалъ всю ложность моихъ разсужденій. Я понялъ, что поддавшись будто незначительному искушенію, я не взывшію всѣхъ его гибельныхъ послѣдствій, и что будучи побѣжденъ самими собой хотъ разъ, я превращусь въ раба своей похоти и что, самое главное, только моя воля, а не внѣшняя причина, спасетъ меня. Не открывъ двери, я вернулся обратно.

Это, говорю по опыту, не такъ трудно—надо лишь хотѣть.

А кто не хочетъ, тому не помогутъ

ни «бури», ни перемѣны строя, ни доктора и др. т. п. лекарствъ.

Надо считать половое воздержаніе полезнымъ, а потому обязательнымъ, и тогда, при нѣкоторой борьбѣ со своими животными инстинктами, побѣда обезпечена.

Легче всего эта побѣда возможна при трудовой, честной и скромной жизни, но, главное, при искреннемъ и твердомъ желаніи.

«Грязь пропитала все: и землю, и воздухъ, и забралась даже въ души».

Это не такъ. Земля и воздухъ всегда и вездѣ одинаковы. Только души стали грязными.

Я видѣлъ, въ какой грязи живутъ китайцы въ Манчжуріи: вонь валитъ изъ каждой фанзы и отъ cadaго китайца. Но души ихъ чище (только въ послѣднее десятилѣтіе въ Портъ-Артурѣ, Ляоянѣ, Мукденѣ, Харбинѣ и др. городахъ введены старѣеише нашихъ и японскихъ цивилизаторовъ дома терпимости, гдѣ нѣрвдко можно найти десятилѣтнихъ дѣвчонокъ китаянокъ, плачущихъ послѣ cadaго «сеанса» и просящихъ домой).

Знаю, что ничего новаго не сказалъ, что же повторялось издавна болѣе умными людьми въ лучшей формѣ, все же не откажусь отъ повторенія, пока существуетъ зло.

Правда, распространенію зла содѣйствуютъ многія внѣшнія причины, напр., военщина, закрытыя учебныя заведенія, но внѣшнихъ причинъ, избавляющихъ отъ зла—нѣтъ.

Нужна внутренняя работа cadaго человека.

Если бы удалось упразднить военщину и люди остались бы тѣ же, то возникли бы новыя разсадники проституціи.

Р. С. Письмо затанулось, но только что прочитанныя два письма А. М. Б.—мова и А. Гермоніуса побуждаютъ меня сказать еще нѣсколько словъ.

Первый спрашиваетъ (не у меня, конечно), что читать, изучать, какой способъ удобнѣе для соединенія молодежи по половому вопросу и т. д.

Вѣдь спрашивающій, очевидно, созналъ весь вредъ ненормальной половой жизни—какія же теории или организациі могутъ тамъ, гдѣ нужны собственныя усилія?

У меня есть нѣсколько знакомыхъ, непалыхъ мужчинъ, никогда ничего по половому вопросу не читавшихъ (нѣкоторые неграмотны) и ни какъ имъ докторамъ не обращающихся. Своимъ цѣломудріемъ они обязаны самимъ себѣ.

А. Гермоніусъ сваливаетъ всю вину на родителей. Это несправедливо. Почему же родители должны быть лучше? Сознательно, и то не вполне, развращаютъ дѣтей только богатые родители, одѣвающие (или раздѣвающие) дочерей на балы. Огромное большинство родителей этого не дѣлаетъ и живетъ честной семейной жизнью. Нельзя же винить это большинство въ невѣжествѣ и неумѣнью охранять дѣтей отъ разврата.

Вскій, сознавшій губительность порока и не преодолевшій его—самъ виноватъ.

Если врачи въ данномъ случаѣ и могутъ быть полезны, то только во вѣстороннемъ описаніи послѣдствій ненормальной половой жизни.

А избѣжаніе этихъ послѣдствій—дѣло cadaго изъ насъ.

Ненормальной половой жизнью я называю, такъ же какъ и А. Гермоніусъ, половую связь, поддерживаемую, какъ наслажденіе, а не какъ средство достиженія природной цѣли—продолженія рода.

С. Б.»

Письмо С. Б.—типичный образецъ односторонняго освѣщенія вопроса, который Капитаномъ освѣщенъ гораздо шире и вѣстороннѣе, чѣмъ кажется на первый взглядъ.

Помѣщая я письмо С. Б. въслѣдствіе того, что взгляды, выраженные въ немъ,—взгляды значительнаго большинства изъ моихъ корреспондентовъ.

Сегодня очень кстати получаю новое горячее письмо Капитана.

Съ благодарностью помѣщаю и его.

«Вопросъ поставленъ шире. Заявлено сомнѣніе. Женщина—врачъ въ своемъ письмѣ рѣзко подчеркнула это сомнѣніе, ясно выраженное и въ моемъ письмѣ. Д-ръ Гермоніусъ сдѣлалъ указаніе въ

томъ же направленіи, утверждая, что развратъ разлитъ гораздо шире, чѣмъ заставляли предполагать первыя письма по половому вопросу, напечатанныя у васъ. Женщина—врачъ утверждаетъ, что мерзости половой жизни современнаго общества коренятся глубже, вызываются причинами болѣе могучими и широкими, чѣмъ развращающее вліяніе на юношей товарищей или горничныхъ. Если вліяніе имѣетъ паталогическій характеръ, то надо признать болѣеише все общество. Дѣлается вѣрное и вѣское указаніе на безплодность всѣхъ паллативныхъ мѣръ, сводящихся въ концѣ концовъ по большей части къ проповѣди пуританизма и воздержанія и совершенно не касающихся основнаго и важнѣишихъ причинъ страшнаго социального зла.

Аргументы женщины—врача кажутся мнѣ въ высокой степени убѣдительными и думается мнѣ, что переводя вопросъ на болѣе общую почву и освѣщая его съ другой точки зрѣнія, отвѣтъ получится аналогичный. Не аскетъ побѣдитъ страсти человека. Не онъ проповѣдуетъ чистоту и воздержанія изгонитъ бѣса и уготовитъ мѣсто богу. Бичая и страстно борясь, онъ всѣ силы свои кладетъ на эту борьбу. У него мало остается, кромѣ этой борьбы. Онъ усталъ, въ одну точку и при каждомъ движеніи слышится лягъ цѣпкы, которая онъ наложилъ на свое тѣло, чтобы связать своего бѣса. Аскетъ несвободенъ. Онъ создалъ себѣ смыслъ жизни въ отрицаніи. Онъ самъ теряетъ смыслъ съ исчезновеніемъ отрицаемаго. Онъ рабъ своего врага.

Нѣтъ, не тому, кто истязуетъ тѣло, освободитъ духъ, не проповѣдь пуританизма, не прописи морали воздержанія должны быть положены въ основу борьбы съ развратомъ и грязью жизни. Много Саванарролъ со многими каверъ громили огненнымъ словомъ, страстно и убѣдительно, пороки людскіе, бичевали похоть и плотскія вождѣнія. И снова и снова волна чувствительности съ гребнемъ изъ грязи захлестывала погрязшее во грѣхахъ челоуѣчество и только перо историка благоговѣно отиѣчало мучениковъ чистаго духа, безуспѣшно борющихся противъ торжествующаго господства плоти.

Но тогда гдѣ же трезво взирающей на исторію людей челоуѣкъ можетъ найти твердую почву, стоя на которой онъ могъ бы призвать къ себѣ всѣхъ мятухшихъ въ поискахъ свободы и красоты, всѣхъ жаждающихъ очищенія жизни отъ кошмарныхъ ея абсурдовъ. Или все безнадежно, корабль утонуть и предоставляется философу наблюдать круги на водѣ, а романтическимъ мальчишамъ «махать мечомъ картоннымъ», воображая, что они борются со страшнымъ дракономъ, и надѣяться на счастье людей, если удастся побѣда!

Ваша корреспондентка безнадежно смотритъ на настоящее, но зато всѣ свои упования она полагаетъ на грядущее обновленіе, на наступленіе царства разума и свободы.

Несомнѣнно, нѣчто сѣеже и здоровое повѣяло изъ первоисточниковъ челоуѣческой души и очищаетъ застоявшійся воздухъ. Со всепобѣждающимъ энтузіазмомъ борется лучшая живущая часть культурныхъ силъ Европы за религію социализма.

Удастся ли могучій прыжокъ изъ темнаго царства рабства и угнетенія въ лучезарную страну равенства и свободы? Въ данный моментъ миллионы вѣрять въ грядущую побѣду—блестящую побѣду, которая принесетъ съ собою счастье изстрадавшимся, глухо волнующимся массамъ, уже нетерпѣливо рвущимъ повсюду свои цѣпи.

Социализмъ недаромъ сталъ вдохновеніемъ Европы, той неподвижной точкой, опираясь на которую челоуѣчество надѣется, хотя бы со страстными усиліемъ, но привести въ движеніе рычаги исторіи. Возможно, что движеніе рычаговъ сдѣлается даже очень рѣшительнымъ.

Но... развѣ дѣло только въ сокрушеніи капиталистическаго строя? Развѣ прыгнувши и далеко, и высоко не упадетъ все же на землю, на старую, неподвижную, тяжелую землю? Развѣ дѣло только въ сокрушеніи формъ?

Что Европа сумѣла выдвинуть новую

идею, хотя бы только по формѣ обволакивающую жизнь, это дает право на нѣкоторую надежду, что может быть у нея хватить живыхъ силъ не только пересоздать эту форму, но и влить въ нее новое содержание, новую красоту. Но все же иногда подымается сомнѣние. Хватитъ ли пороку въ пороховницахъ усталыхъ народовъ Европы, такъ много и сильно жившихъ, засорились ли или совсѣмъ иссохли всѣ работники всеобновляющаго творчества?

Можетъ быть, тѣ вихри, которые теперь порой наводятъ жуть на людей, ставшихъ или поставленныхъ спиной ко всякому движению жизни, только и будутъ имѣть достаточно силъ, чтобы сдѣлать старая, гнилая деревья и не приведуť за собой грозы съ освѣжающимъ и животворящимъ дождемъ. Вырастаетъ ли новая яркая жизнь, съ новой героическѣйшей моралью, рожденной воскресшей и торжествующей красотой?

Какъ бы то ни было, но если вѣрно, что обновление жизни не исчерпается побѣдой той или иной доктрина, если нужно много сѣять, чтобы много пожать и... если повѣрить, что моральное возрождение общества вообще возможно, то такое возрождение, развѣ необходимо его сильно и убежденно сознавая, должно быть достижимымъ хотя бы въ дифференциально разнѣ сейчасъ же въ данный моментъ.

Развѣ отвергается вѣра во всецѣляющую силу того или другого переворота и признается прагматическая связь между мерзостью дня сегодняшняго и красотой дня грядущаго, которые переживаются все тѣмъ же «ниготижимъ племенемъ людскимъ», изменяющимся такъ безконечно медленно, то разумно будетъ поддерживать и, если возможно, всячески усиливать тотъ огонь, который слабо тлѣетъ теперь, но можетъ быстро разгорѣться въ тотъ мировой пламень, который освѣтитъ красоту грядущаго дня и отдѣльные языки котораго съ силою подавленной стихии вырываются иногда изъ нижнихъ этажей социального зданія.

Не бесполезно будетъ сѣять хотя бы слабые вѣтры, если есть надежда, что настанетъ пора сильной бури. Потомъ передъ лицомъ этой бури, если дыханіе ея действительно и осчастливитъ человечество, покажутся безконечно ничтожными и мелкими старая отдѣльные люди, но эта же буря оправдаетъ ихъ стремленія.

Поэтому отдѣльные эксперименты, если они только лежатъ въ направленіи дѣйствія великихъ историческихъ силъ, во всякомъ случаѣ не могутъ быть признаны вредными. Польза ихъ прямо пропорциональна той силѣ, которая въ нихъ вложена *. Для того, чтобы возбудить застывающую мысль, чтобы вынуть изъ сердца многіе осколки дьявольскаго зеркала, которые, какъ раскисывается въ прекрасной сказкѣ Андерсена, дѣлали человека беззачастнымъ къ тому, что есть, и беззачастнымъ по отношению къ благамъ и горестямъ былого, — для этого можетъ быть иногда полезнымъ повернуть жизнь оборотной стороной и поддержать лишній разъ многіе ея абсурды.

Если это возбудитъ искренній гнѣвъ, если вспыхнетъ протестъ въ душахъ тѣхъ, которые сумѣютъ ярко представить себѣ все плачевное безобразіе этой стороны жизни, то уже много сдѣлано, то уже расчищена арена для дѣйствія нѣсколькихъ новыхъ силъ, уже зажжены живой огонь, дающий свѣтъ и тепло.

Убѣжденные въ существованіи страшныхъ уродствъ жизни толкнетъ убившихся на путь борьбы за болѣе здоровую жизнь. Да и не можетъ же наконецъ быть, чтобы та стихійная волна протеста противъ абсурдовъ жизни, которая прокатывается теперь по Европѣ, хоть тѣмъ своей не прошла по душамъ равнодушныхъ и протрипанныхъ, вѣдь не можетъ быть, чтобы пламенъ такого вдохновения не сорвалъ многіхъ изъ усталыхъ и побѣжденныхъ темными, тяжелыми силами.

Вспыхнули вершины гигантовъ въ лѣсу жизни и загорѣлись яркимъ огнемъ индивидуальнаго творчества; горитъ широкой полосой мелкая поросль виву.

Можетъ быть, воспламенится тотъ или другой, пригнанный къ большому огню холодомъ и мерзостью открытой передъ

нимъ жизни. И когда въ живомъ огнѣ переплавится душа человѣка, какъ въ нѣдрахъ земли переплавляется при вулканическихъ потрясеніяхъ аморфный, черный уголь, тогда въ пепѣ, быть можетъ, окажутся кристаллы. Ограниче кристаллы, и когда онъ, сдѣлавшись твердымъ и рѣзкимъ алмазомъ, самовѣтно засияетъ всѣми гранями, тогда въ кѣ изумлению своему увидите, что родной братъ угля—кристалло чистъ и прозраченъ!

Одинъ изъ вашихъ корреспондентовъ пишетъ слова, кажущіяся мнѣ значающими: «Когда у меня есть какая-нибудь интересная работа, когда бываетъ у меня нравственный подъемъ, я еще въ силахъ бороться и воздерживаться, но стоить случиться чему-нибудь для меня неприятному, стоить мнѣ остаться безъ уроковъ, поглотить день-другой, и я опять теряю надъ собою власть».

Не ясно ли, что этому человѣку, какъ засыхающему растенію вода,—нужно что нибудь, что наполнило бы его душу, ну, пусть огонь на алтарь своего я, чтобы подлечься.

Засыхающихъ много въ пустынь современной жизни, но ихъ не можетъ укрѣпить никакой дождь, падающій извѣдь, сверху. Живительная сила въ нихъ самихъ, сами они должны стать Моисеями, высѣкающими воду изъ безводной скалы. Они, какъ Моисей, безъ иного указателя, кромѣ пламеннаго столба волею протеста противъ настоящаго и вѣры въ грядущее, должны идти черезъ пустыню къ обѣтованной землѣ. Нѣтъ ли силъ? Жизнь говоритъ: «Падающаго толкни!» Нѣтъ цѣли? Цѣль есть, ея не видятъ теперь только слѣпые. Но вѣдь слѣпые не видятъ одинаково ни солнца, ни моря страданій, которое оно освѣщаетъ. Капитанъ!»

Еще разъ обращаюсь къ автору этого письма съ просьбой зайти ко мнѣ въ приемные часы.

Н. ГЕОРГИЕВИЧЪ

КЪ СВДѢЮ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУЖЕНИКОВЪ.

Въ давно прошедшія времена, болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, я прожилъ около трехъ лѣтъ заграницей, т.-е. въ Европѣ, гдѣ занимался переводомъ на французскій языкъ нѣкоторыхъ сочиненій Чернышевскаго. Многіе мои знакомые, въ томъ числѣ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, не разъ мнѣ говорили, когда я рассказывалъ имъ о своихъ похожденияхъ за-границей: «Что вы не напечатаете своихъ воспоминаній?» Но тогда это было въ несовершенство. Два года тому назадъ я подумалъ: не пора ли?

Написалъ. Болѣе года не могли опубликованія мои найти себѣ издателя: олимпіа находилъ, что они очень длинны — нужно сократить, другой, что они очень коротки, отрывочны, третій, что они субъективны (какъ будто воспоминанія пишутся по документамъ!) Наконецъ я нашелъ издателя — Михаила Васильевича Пирожкова и вотъ въ Апрѣль, передъ Пасхой, мы словесно договорились, а затѣмъ написали договоръ нашъ на бумагѣ. Вотъ его текстъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, коллежскій совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Пирожковъ и инженеръ путей сообщенія Алексѣй Николаевичъ Тверитиновъ, заключающій сей договоръ о нижеслѣдующемъ: 1) Я, Пирожковъ, приобретаю право перваго изданія труда А. Н. Тверитинова подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о Чернышевскомъ», за что уплачиваю ему, Тверитинову по 75 рублей за печатный листъ въ 35,000 буквъ, включая сюда и всѣ

представленія Тверитиновымъ текстовыя иллюстраціи, за первое изданіе 2).... 3) Я, Пирожковъ, обязуюсь уплатить Тверитинову причитающійся ему гонораръ за первое изданіе въ два срока: при подписаніи договора двѣсти рублей: и остальную причитающуюся сумму мѣсячно спустя послѣ выхода въ свѣтъ означеннаго сочиненія. 4) Я, Пирожковъ, обязуюсь выпустить не болѣе шести тысячъ экземпляровъ въ первое изданіе; 5).... 6).... 7) Я, Пирожковъ, обязуюсь выдать Тверитинову 25 экземпляровъ названнаго въ п. 1 труда, не включая сюда экземпляровъ, рассылаемыхъ конторой книгоиздательства для рецензій въ периодическихъ изданіяхъ. 8) Я, Тверитиновъ, обязуюсь не предъявлять никакихъ денежныхъ претензій къ Пирожкову, въ случаѣ, если ему придется уплатить за мою авторскую (вторую и третью) корректуру свыше обыкновенной типографской нормы, т. е. болѣе, чѣмъ за 5 часовъ въ общей сложности съ печатнаго листа въ 40,000 буквъ, и уплаченное онъ удержитъ изъ причитающаго мнѣ гонорара; 9) Въ случаѣ смерти кого либо изъ насъ, права и обязанности его переходятъ къ его правопреемнику. 10) Подлинному быть у Пирожкова, а Тверитинову имѣть съ него копию. С.-Петербургъ, 19 июля 1906 года. М. Пирожковъ.»

Въ началѣ октября я случайно слышу въ типографіи, гдѣ печаталась моя книга, что она печатается въ количествѣ 15,000 экземпляровъ. Я, конечно, усомнившись въ этомъ и письменно запросилъ М. К. Лемке, завѣдующаго типографіей Стасюлевича, на которое и получилъ 23-го октября, слѣдующій отвѣтъ: «М. г., Алексѣй Николаевичъ, въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 21 октября с. г. имѣю честь сообщить, что книга ваша—«Воспоминанія о Чернышевскомъ»—печатается у насъ въ количествѣ 15,000 экз. и 50 вѣленыхъ. Готовый къ услугамъ Михаилъ Лемке.»

Всѣ писатели, которымъ я показывалъ эти два документа, приходили въ негодованіе. «Непремѣнно подать въ судъ. Опаситъ на всю Россію! Всѣ они такъ дѣлаютъ!» Но я думалъ дѣло удавить миромъ и просилъ одного извѣстнаго адвоката, который тоже возмутился, предложить Пирожкову заплатить за присвоенныя имъ девять тысячъ экземпляровъ 975 рублей, а если онъ отвѣтитъ отказомъ или ничего не отвѣтитъ, то подать прошеніе въ судъ. Онъ въ теченіе мѣсяца ничего не отвѣтилъ на два письма адвоката, а адвокатъ, ссылаясь на то, что я его обидѣлъ своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло, отъ веденія дѣла отказался. Обратился я къ другому адвокату, который оказался со мною болѣе откровеннымъ, чѣмъ первый, и сказалъ мнѣ, что хотя Пирожкова поступокъ и возмутителен, но дѣло съ судѣ можно проиграть, что пока онъ этихъ 9000 экземпляровъ не начнетъ продавать, до тѣхъ поръ я съ нимъ ничего судомъ не подѣлаю.

Мнѣ бы это показалось невѣроятнымъ, если бы я не проигралъ въ послѣдніе годы въ нашихъ судахъ четырехъ абсолютно правыхъ дѣлъ. Когда Пирожковъ писалъ условіе, то я думалъ, что «выпустить»,—это значитъ отпечатать, но судъ по всей вѣроятности посмотритъ иначе—судъ всегда на сторонѣ богатаго. Еще Лафонтэнъ, какъ будто о нашихъ судахъ, сказалъ когда-то: *Selon que vous serez puissant ou misérable, Les jugements de cour vous rendront blanc ou noir.* Алексѣй Тверитиновъ. Р. S. Не имѣя денегъ для уплаты судебныя издержки Пирожкову, я симъ приглашаю вести мое дѣло такого адвоката, который бы согласился, въ случаѣ проигрыша, заплатить за меня Пирожкову судебныя издержки, а въ случаѣ выигрыша, т. е. отбрана въ мою пользу отъ Пирожкова 9000 экземпляровъ или, по крайней мѣрѣ, всего чистаго дохода отъ нихъ,—получить отъ меня узаконенный гонораръ въ двойномъ размѣрѣ. Адресъ мой въ редакціи газеты Шебуева. А. Т.

О КРАСОТѢ.

Я былъ на этомъ удачномъ во всѣхъ отношеніяхъ ученическомъ спектаклѣ въ консерваторіи.

Казалось, лучшаго юбилейнаго подарка А. К. Глазунову, чѣмъ этотъ концертно-прославленный спектакль, не сдѣлать. Сколько въ немъ было молодой расцвѣтающей красоты.

И какъ неожиданно было это свѣтлое явленіе на фонѣ нашихъ мрачныхъ конституціонныхъ буленъ.

Ни съ того, ни съ сего мнѣ вспомнилась Ирма Гольцъ. Помните въ трогательную исторію о томъ, какъ скончалась эта 29 лѣтняя пѣвица въ Вѣнѣ.

Какою романтическию сказкою вѣетъ отъ этой сказочно красивой смерти.

Полночь. А giorno освѣщенный залъ. Освѣтительно прекрасно это молодое лицо артистки въ платьѣ Травати.

Мертвенная блѣдность зашла ея. И руки, упавшія на спинку кресла, не могутъ пошевелиться.

И все вокругъ полно гнетущаго, зловѣщаго молчанія.

Предсмертныи штиль охватилъ и сердца, и умы окружающихъ Ирму.

И вдругъ раззались звуки роаяля. Весенняя пѣсня Мендельсона распала свои вступительныя арпеджио.

И румянецъ озарилъ мертвенно блѣдныя щеки Ирмы. И всколыхнулись груды. И полились чистые, страстные, весенне звуки.

Пѣсня безъ словъ Мендельсона!

Почему ты безъ словъ? Потому ли, что словами нельзя высказать того, о чемъ говорятъ эти звуки. Потому ли, что словами нельзя высказать того, о чемъ говорятъ эти звуки. Потому ли, что слова слишкомъ грубы для того, чтобы распотать своимъ реальнымъ смысломъ эту хрупкую гармонию, эту сотканную изъ лучей и паутины мелодію? И звучала пѣсня безъ словъ, звучала весенняя пѣсня Мендельсона и горѣлъ голосъ Ирмы. И горѣлъ, то вспыхивая, то затихая. И вдругъ—оборвался.

Еще звенѣли стеклянныя арпеджио аккордовъ аккомпанимента, а Ирмы не стало. Красивая смерть оборвала красивую жизнь. Жизнь отзывалась, какъ симфонія.

Я былъ на спектаклѣ консерваторіи. Молодая сила расправляла крылья, чтобы полетѣть.

И мнѣ хочется сказать этимъ молодымъ силамъ:

— Вы всѣ, молодые люди и барышни, вступающіе сегодня на путь самостоятельной жизни, честно и смѣло взгляните впередъ. Предъ вами—красивая жизнь.

Вы—жрецы святаго искусства. Жрецы гармоніи.

Вы—вѣстальки, которая должны поддерживать тотъ огонь, который зажгли въ васъ консерваторіей. Поддерживайте на жертвенникѣ огонь гармоніи, огонь, согрѣвающей холодную прозу нашей жизни.

Пусть не тушитъ его ни апатія, ни мелочная погоня за дешевымъ успѣхомъ ни неудачи и отчаянія. Пусть ваша жизнь звучитъ, какъ симфонія.

Быть можетъ, слишкомъ невѣроятной, слишкомъ дѣланной, искусственной и фальшивой покажется вамъ смерть Ирмы.

Если вы уже теперь, еще на порогахъ жизни, уже не вѣрите въ искренность смерти Ирмы,—вы не артистъ душой.

Вступая въ жизнь, артистъ долженъ вѣрить, что онъ будетъ жить ради искусства и готовъ умереть ради него.

Это пошлая бундю, это вялая действительность мало по малу оборветъ крылышки вашей вѣры. Но теперь вы должны вѣрить.

Красивая жизнь передъ вами.

Красива она не потому, что вамъ придется срывать аплодисменты восторга, а потому, что у всѣхъ у васъ въ уголѣ души зажглась искра Божія.

* Она, эта польза, несамѣтна можетъ быть теперь, но кто знаетъ насколько она значительна подъ угломъ зрѣнія будущаго.

Красота...
Какое это безконечно большое, божественное слово!
Красота, как Бог, всемогуща, вездьсуща, бессмертна.
Она даже вездьсуще Бога.
Потому что Бога нѣтъ въ порокѣ.
А Красота и въ добрѣ и въ злѣ.
Гармония Красоты порой звучитъ даже въ дьявольской дисгармонии вакханалии.
Красота вездьсуще Бога.
Но она и всемогущее его.
Богъ не можетъ творить зла.
А Красота творитъ съ только же зла сколько и добра
Богъ неизмѣненъ и великъ.
Красота же велика, но вѣчно измѣняется.
Красота—это Богъ.

Красота—это больше Бога.
Потому что приходили Боги, смѣняли одинъ другого, рождались и умирали.
Являлись и исчезали религии.
И одна религія Красоты отъ вѣка до вѣка осталась неизмѣнной.
Войдите въ алтари боговъ Греции и Рима, Вавилона и Ассиріи, Китая и Индіи...
Ваше сердце будетъ молчать...
Оно не встрѣтитъ отклика въ этихъ мертвыхъ алтаряхъ усопшихъ боговъ.
Но войдите въ храмъ Красоты Греции и Рима, Вавилона и Ассиріи, Китая и Индіи...
И въ вашемъ сердцѣ зазвучитъ божественная гармонія...

Не вѣсѣмъ, далеко не вѣсѣмъ суждено понимать красоту божественной гармоніи.
Не всѣ, имѣющие уши, слышатъ.
Завидна доля апостоловъ вѣчнаго бога—Красоты.
Сумѣйте всю жизнь свою быть чутки къ небесной гармоніи.
Сумѣйте красиво жить и красиво умереть.
Такъ, чтобы ваша жизнь и ваша смерть слились въ одну чудную гармонію.
Н. ШЕБУЕВЪ.

АМФИТЕАТРИНЪ.

А. В. Амфитеатровъ повѣдалъ міру о новомъ изобрѣтении Эдиссона.
Это какой-то небывалый по силѣ взрывчатый составъ.
Достаточно десяти капсюль, чтобы уничтожить цѣлый Петербургъ.
Достаточно одной, чтобы покончить съ цѣлой скалой.

Но изумительна не одна сила состава, которая должна привести въ восторгъ максималистовъ.
Другое сказочное преимущество новоизобрѣтеннаго состава, который назовемъ для краткости «амфитеатриномъ», это въ томъ, что онъ «безъ оборота на себя».
«А самое-то главное, что этотъ громъ—безъ оборота на себя. Мы стояли такъ близко къ мѣсту взрыва или удара,—назовите это, какъ хотите, потому что, можетъ быть, ударъ тутъ будетъ вѣрнѣе, чѣмъ взрывъ,—такъ близко, что динамитъ, нитроглицеринъ, гремучая ртуть разнесли бы насъ въ куски. Мы же вмѣсто того почувствовали лишь легкое сотрясение, которое обречено было разрушиться. Совершенно какъ при громовомъ ударѣ. И по моему это и былъ громовой ударъ,—эффектъ разряженія какой-то чудовищной электрической силы».

Такимъ образомъ амфитеатринъ замѣнить и «нитроглицеринъ», и пироксилинъ и прочіе «ины».

Недаромъ вокругъ Эдиссона «вертятся агенты и шпионы многихъ государствъ, нохаютъ, ищутъ... но—не на таковского напали! Эдиссонъ большой человѣкъ. Что сказали,—сказалъ.

— Какъ онъ не побоялся вамъ-то показывать свой опытъ?

— Во первыхъ, этого онъ, вообще, не боится: опытъ многие видѣли—и всѣ съ такимъ же недоумѣніемъ, какъ вашъ покорнѣйшій товарищъ. Во вторыхъ, мы старые друзья и даже немножко товарищи. А въ третьихъ, имѣлъ я къ нему одинъ особенный и очень грустный разговоръ... ну, такъ онъ меня утѣшить хотѣлъ... И чортъ его возьми!—утѣшилъ! Съ такою остротой въ карманѣ человечество, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ перестанетъ жить по свински...

Собесѣдникъ мой молчалъ.

— Онъ тамъ еще одну штуку смастерилъ... удивительнѣйшую!

— Въ такомъ же родѣ?

— Нѣтъ... Видѣли, какъ на-дняхъ летѣла «Patrie»? *)

— Никогда не забуду! Это грандіознѣйшее впечатлѣніе моей жизни! Я думаю, что публика Стефенсона и Фултона имѣла меньше причинъ волноваться, чѣмъ мы, когда завидѣли полетъ этого...

— Да-съ, человѣкъ полетѣлъ... Такъ вотъ Эдиссонъ тоже надъ такою летающей штукой работаетъ, только сравнительно съ «Patrie» она, кажется, будетъ въ такомъ же прогрессѣ, какъ сама «Patrie» по отношению къ монгольфьерамъ. И вотъ теперь сообразите себѣ завтрашнее человечество: управляемый полетъ по вѣтру и противъ вѣтра и—громъ въ рукахъ... А? что скажете?

Словомъ, кромѣ взрывчатого вещества «Амфитеатринъ», Эдиссонъ изобрѣлъ летающую машину «Amphithiatrie».

И тоже безъ оборота на себя.

Произошло то, что и слѣдовало ожидать.

Наука обанкротилась.

Конечно, обанкротилась.
Развѣ амфитеатринъ и «Amphithiatrie» не дутые веселыя, которые появляются передъ банкротствомъ.

Несомнѣнно, Эдиссонъ обманулъ пріятеля г. Амфитеатрова, чтобы поддержать престижъ науки, поддержать ея кредитоспособность.

Но какъ онъ сдѣлалъ это не ловко! Взрывчатое вещество само выбирающее жертвъ и шадящее хозяина,—работодателя.

*) Управляемый шаръ французскаго военнаго министерства.

Наука обанкротилась.

Я уже давно присматриваюсь къ непомѣрной лихорадочной дѣятельности этой особы.

Слишкомъ ужъ она торопится жить, слишкомъ ѣдетъ, какъ на пожаръ, скачетъ такъ, что духъ замираетъ.

Испысываются горы бумаги, изливаются рѣки чернилъ.

Какъ изъ масуробки вылетаютъ котлетки—диссертации.

Открытія чередуются съ изобрѣтеніями. Теоріи гонятся за гипотезами.

Приватъ-доценты за экстраординарными, экстраординарные за ordinarily профессорами. Все спѣшить. Давится.

Многіе ученые, не поспѣвши за оторванной наукой угодиться, махнули на нее рукой,—гонятся за жалованіемъ.

Благо, жалованье не такъ быстро бѣгаетъ, какъ наука.

Просто довилишки какія-то, а не почетное шестіе, какъ бывало въ старину.

Помните, какъ мастито-дѣловито задрапированная въ тогу шалага наука при Гераклитѣ, Анаксименѣ, Сократѣ, Платонѣ, Аристотелѣ.

Даже при Декартѣ и Бэконѣ не было никакой бѣшеной скачки, а ужъ на что это была эпоха возрожденія, а не эпоха вырожденія, какъ теперь.

Да и сама наука была куда благороднѣе. Выражалась на латинскомъ или греческомъ діалектѣ. Честъ честно.

Разсуждала о матеріяхъ важныхъ, о душѣ, о познани истины и прочіихъ тонкихъ матеріяхъ. Въ кухню не совалась.

А теперь!..

Куда только не суетъ наука носъ!

И въ спальню, и на кухню, и на поребъ.

И за что ни возьмется, непременно какую-нибудь пакость откроетъ.

Въ маслѣ—маргаринъ.

Въ килькахъ—салицилку.

Въ квасу—сахаринъ.

Кажется, плюнь ты ей да полай. Она и въ плевкѣ твоемъ копать будетъ и найдеть фальсификацію.

И все-то торопится, все-то скачетъ въ разныя стороны.

Такое отъ нея утѣсненіе пошло во всѣхъ дѣлахъ, что и сказать трудно.

Одинъ остроумецъ жаловался на вѣчную зубную боль.

— Открыли сначала сѣверный полюсъ, потомъ южный. Не мудрено, что на землѣ постоянный сквознякъ дуетъ.

И въ этой жалобѣ много глубокаго смысла.

Наука сдѣлала такъ много самыхъ неприятныхъ открытій, что теперь дышать нечѣмъ.

И вѣдь какую уйму никудашныхъ открытій нагромодила!—такъ, изъ любви къ искусству, pour passer le temps, какъ говорится.

Эти открытія даютъ торговлю, обостряютъ конкуренцію, производятъ экономическія кризисы, переоцѣнки цѣнностей, безработицу, застой.

А наукъ до этого дѣла нѣтъ.

Скачетъ во всю, какъ судебный слѣдователь на слѣбствіе.

Вотъ и доскакала.

Глядя на голосистаго, слишкомъ голосистаго пѣва, я всегда повторяю:

— Погоди — сопьется.

Глядя на рисистаго, слишкомъ рисистаго писателя:

— Погоди — испишется.

Глядя на изворотливаго, слишкомъ изворотливаго купца:

— Погоди — обанкротится!

И глядя на голосистость, рисистость и изворотливость науки, я повторяю:

— Погоди — сорвется!

Вотъ и сорвалось...

Дальше послѣ изобрѣтенія Амфитеатровымъ... rardon... Эдиссономъ амфитеатрина идти некуда.

Стоп!..

Ну, куда же еще...

Стоитъ ли изобрѣтателямъ ломать голову послѣ открытія такого удивительно умнаго вещества, которое взрываетъ цѣлые города (—жалъ, у г. Амфитеатрова не сказано, надъ какими городами производились опыты), испепеляетъ грѣшниковъ и оставляетъ нетронутыми праведниковъ.

Безъ оборота на себя...

Куда же еще идти!..

.....

Во всякомъ случаѣ г. Амфитеатровъ разразилъ максималистовъ.

Они спать не будутъ.

Н. ГЕОРГЕВИЧЪ

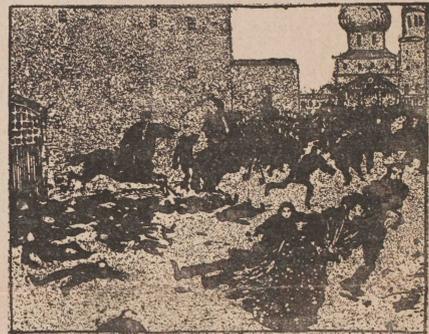

ВЪ ИСПАНИИ.

Пикадоровъ рядъ на сценѣ:
Вотъ въ ботфортахъ на аренѣ
На коняхъ своихъ
Предъ толпой тысячеклой
Пронеслися, играя пикой...
Смутный говоръ стихъ...
Раскрываются ворота.
По песку арены кто-то
Пролетѣлъ стрѣлой.
Быкъ-красавецъ метеоромъ
Промелькнулъ. Предъ пикадоромъ
Всталъ свирѣпый, злой.
Мигъ одинъ въ раздумьи стро-
гомъ
И намѣтилъ острымъ рогомъ
Въ бокъ коня. Сѣдокъ
Отразилъ удары пикой.
Въ звѣрской ярости великой
Роетъ быкъ песокъ.
Вдругъ... у самого забора
На другого пикадора
Бросился. Но онъ
Такъ же ловко пикой встрѣтилъ.
Быкъ въ сѣбяго намѣтилъ,—
Снова отраженъ.

Наконецъ таки четвертый
На песокъ лежитъ простертый,
Кровь багрить песокъ,—
Кровь коня,—не пикадора.
Конь не выживетъ позора:
Рогомъ вспоротъ бокъ.
Появились бандерилли
И направили усилья,
Чтобъ отвлечь быка.
— «Пикадоръ спасенъ,—за бор-
томъ!..
— «Эхъ, не повезло ботфор-
тамъ,—
Сломана рука!»
Говорить моя сосѣдка:
— «Это здѣсь у насъ нерѣдко.
А въ Москвѣ у васъ?»
Я описывать не стану
Что сосѣдкой за гитану
Я имѣлъ въ тотъ разъ:
Смѣсь лукавства и отваги,—
Какъ съ картины Зулоаги
Копія снята.
— Впрочемъ, что я... Вѣдь, Россія
Любитъ зрѣлища другія...
Публика не та...
Бой быковъ—не интересенъ.
Дорогъ, любовь ей и извѣстенъ
Только бой людей...
Я слыхала, какъ жестоко
Бой на сценѣ Бѣлостока
Длился много дней...
Правда-ль, Питеръ славенъ спли-
номъ
И торреадоромъ Миномъ?
Вотъ бы посмотрѣть!..
Что ни городъ—новый норовъ:
Правда-ль тамъ у пикадоровъ
Вмѣсто пики,—плеть»
— «Донна Анна! Донна Анна!
Какъ рисуете вы странно
Русскій Альбионъ!..
— «Ну, болтать теперь не надо.
Посмотрите, вотъ Эспада,

Какъ эффектенъ онъ!..
Вотъ онъ, вотъ, дитя отваги,
Виртуозъ толедской шпаги,
Самъ торреадоръ!
Одѣянемъ параднымъ,
Легкимъ, бальнымъ, маскараднымъ
Восхищаетъ взоръ...
Орденами изукрашенъ,
Словно Витте. Дикъ и страшенъ
Разъяренный быкъ.
Страшенъ всѣмъ, но не Эспада:
Тотъ ему не кинуть взгляда,—
Къ встрѣчамъ онъ привыкъ...
Лишь въ отвѣтъ на вызовъ гроз-
ный
Жестъ нашелся граціозный
И сразилъ его.
Быкъ склонился на колѣни...
Крови капля на аренѣ,
Капелька всего...
Циркъ дрожитъ рукоплескань-
емъ..
Мнѣ сосѣдка съ ликованьемъ:
— «Вы довольны? Быкъ
На повалъ убитъ, бѣдиага...»
Я же крикнулъ:—«Крови, Яго!
Русскій я.. привыкъ!..
Же репертуара не предлагаютъ и нови-
нокъ отъ нихъ не требуютъ.
Въ музыкально-образованной части
посѣтителей симфонического концерта
воцаряется часто скука, желаніе, скорѣе
бы прошелъ этотъ номеръ. На зло соли-
сты съ плохими номерами, но съ хо-
рошимъ полосою бисерируютъ до беско-
нечности.
При этомъ художественное содержаніе
этихъ бисовъ все понижается и чуть не
соприкасается съ кафешантанымъ пѣ-
ніемъ.
Въ этомъ отношеніи нѣкоторые лю-
бятъ сѣсть вещицы съ умѣло скрытыми
банальными оборотами; благо, что сери-
озные музыканты сразу не разберутъ, въ
чемъ дѣло. И волки сыты, и овцы цѣлы!
Развѣ нормальное явленіе видѣть, какъ
часто композиторы, серьезные музыканты,
образованные диллитанты покидаютъ заль.
Выходятъ въ фойѣ, курительную, арти-
стическую.
Завязывается разговоръ по поводу ис-
полненной симфоніи, дѣлятся впечатлѣ-
ніями и переживаютъ необходимую дань,
отдаваемую сольнымъ номерамъ.
Наблюдаютъ исключения. Всѣ слуша-
ютъ съ интересомъ, когда поетъ что-
нибудь изъ Вагнера Литвинъ или Шаля-
пинъ продуцируетъ русскую музыку.
До общего правила здѣсь далеко.
Желательно, чтобы дирекціи взяли са-
ми на себя починъ упорядочить этотъ
номеръ.
Наша публика не будетъ протестовать,
если ей поднесутъ музыку маркой выше,
чѣмъ она привыкла къ тому.
Здѣсь не Испанія. Въ Мадридѣ трудно
бороться съ этимъ зломъ. Тамъ публи-
ка, какъ приходилось слышать отъ га-
стролеровъ дирижеровъ, среди симфоній
держитъ себя въ высшей степени развязно:
аплодируя среди исполненія пона-
вившей ей темъ и не стѣнясь свиста-
ть сложной и мало понятой съ пер-
ваго раза ихъ разработкѣ.

СОЛЫНЪЙ НОМЕРЪ

Превосходная пѣвица NN спѣла но-
мера изъ «Фауста» и «Гамлета», совершенно
неподходящие для симфонического
концерта, отмѣтила теперь повседнев-
ная печать.

Далѣе идутъ ставшія обычными замѣ-
чанія, что этотъ выборъ дѣлаетъ мало
чести художественному вкусу и репер-
туару пѣвицы.

Какъ знакомы эти сѣванія!
Мы всѣ жалуемся на это.
Упоминаніе стало необходимымъ тру-
измомъ—Carthago delenda est.

На выборъ сольнаго номера въ кон-
цертѣ такъ мало обращаютъ вниманія,
что публика уже приучена къ нетребо-
вательности.

Часть слушателей идетъ въ концертъ
специально для оркестровыхъ номеровъ.
Музыканты всегда справляются, что
идеть изъ симфоническихъ произведеній,
и почти никогда, что поетъ г-нъ N или
г-жа NN.

Другая часть посѣтителей, мало инте-
ресующаяся новинками, но выслушиваю-
щая въ 100 разъ любого изъ классиковъ
съ одинаковымъ интересомъ (можетъ быть
съ одинаковой безотносительностью)
всегда интересуется тѣмъ, кто поетъ.

Репертуаръ же исполнителя мало ин-
тересуетъ ихъ. У нихъ часто развита
склонность къ громкимъ именамъ.

Меломаны всегда интересуются вирту-
озной стороны дѣла, а никакъ не сущ-
ностью произведенія.

Критическое отношеніе публики на-
правлено не въ ту сторону.

Неблагодарная задача экзаменатору
должна падать на дирекцію, приглашаю-
щую солистовъ.

Разъ въ ней есть художественный со-
вѣтъ, онъ долженъ брать на себя оцѣн-
ку какъ голоса, такъ и предположенной
вещи. При приглашеніи съ крупными
именами солистовъ непременно должна
имѣть предлагаться намѣченная программа.
Публикѣ необходимо получить сразу
художественное впечатлѣніе и отъ испол-
няемаго, и отъ исполнителя.

Рутину, вѣвщуюся отъ старыхъ по-
колѣній, пора сдать въ архивъ. Пора у-
брать анахронизмъ въ современныхъ про-
граммахъ.

Поправимость еще легче, когда пѣв-
цамъ или пѣвицамъ улачиваются круп-
ная суммы. За полученный гонораръ
ихъ долгъ познакомить публику или съ
новинкой, или съ неизвѣстной вещью.

Почему пѣвецъ долженъ непременно
услужать публику запѣтой вещью?

Развѣ среди старыхъ, мало извѣстныхъ
и новыхъ нѣтъ ничего хорошаго?

Незнание въ данномъ случаѣ не оправ-
данно. Интеллигентность исполнителей
должна быть повышена.

Сорвать успѣхъ на знакомой вещи и
только показать свой голосъ—сообра-
женія невысокаго качества съ этической
стороны. Пѣвецъ, думая угодить публи-
кѣ, выигрываетъ очень мало.

Приобрѣтая симпатіи реакціонной части
слушателей, онъ теряетъ симпатіи про-
грессивной публики.

Разница въ общемъ очень невелика.
Постановка сольныхъ номеровъ на
благотворительныхъ концертахъ еще
слабѣе.

Наши знаменитости предпочитаютъ
пѣть запѣтый репертуаръ.

Впередъ знаешь, что Собиновъ будетъ
пѣть «Куда, куда вы удалились»... Тар-
таковъ—«Не плачь, дитя», Давыдовъ—
«Что наша жизнь», Лабинскій—«Ты мое
утро» и т. д.

Эпиталама изъ «Нерона»—принадле-
жность всѣхъ баритоновъ.

Съ однимъ и тѣмъ же почти репертуаромъ
выступаетъ всегда Долина. Если поютъ
въ концертѣ дуэтъ, навѣрно «Разсвѣтъ»
Чайковскаго или «Крики Чайки» Гродзскаго.

Появляется колоратурная пѣвица, услы-
шите вальсъ изъ «Ромео и Джульетты».

За границей стало все больше и больше
распространяться очень хорошее но-
воведеніе—жанръ романсовъ съ акком-
панیمانтомъ оркестра.

Среди нихъ есть превосходные перлы
въ видѣ очень распространенной колы-
бельной Рих. Штрауса. У насъ, въ рус-
скихъ симфоническихъ концертахъ пред-
положены 2 романа Римскаго-Корсако-
ва съ оркестровымъ аккомпанیمانтомъ.

Желательно большее распространеніе
этого жанра.

Деморализация вкусовъ на сольныхъ
номеряхъ достигла крайнихъ предѣловъ.
Даже репертуаръ балагаечнаго оркестра
начинаетъ кореннымъ образомъ мѣняться,
а репертуаръ пѣвцовъ въ подавляю-
щемъ большинствѣ остается запѣтымъ,
рутиннымъ...
Стала банальной всѣмъ знакомая
истина о потворствѣ вкусамъ публики.
Спросите любого: всякій будетъ возму-
щаться этимъ.

А на дѣлѣ это такъ.

Дирекціи, приглашая дирижеровъ, пред-
лагаютъ имъ выработанную комитетомъ
программу или запрашиваютъ о тѣхъ но-
мерахъ, которые ими будутъ исполнены.

О сольныхъ вокальныхъ номерахъ мало
заботятся въ данномъ случаѣ. Солистамъ

же репертуара не предлагаютъ и нови-
нокъ отъ нихъ не требуютъ.

Въ музыкально-образованной части
посѣтителей симфонического концерта
воцаряется часто скука, желаніе, скорѣе
бы прошелъ этотъ номеръ. На зло соли-
сты съ плохими номерами, но съ хо-
рошимъ полосою бисерируютъ до беско-
нечности.

При этомъ художественное содержаніе
этихъ бисовъ все понижается и чуть не
соприкасается съ кафешантанымъ пѣ-
ніемъ.

Въ этомъ отношеніи нѣкоторые лю-
бятъ сѣсть вещицы съ умѣло скрытыми
банальными оборотами; благо, что сери-
озные музыканты сразу не разберутъ, въ
чемъ дѣло. И волки сыты, и овцы цѣлы!
Развѣ нормальное явленіе видѣть, какъ
часто композиторы, серьезные музыканты,
образованные диллитанты покидаютъ заль.
Выходятъ въ фойѣ, курительную, арти-
стическую.

Завязывается разговоръ по поводу ис-
полненной симфоніи, дѣлятся впечатлѣ-
ніями и переживаютъ необходимую дань,
отдаваемую сольнымъ номерамъ.

Наблюдаютъ исключения. Всѣ слуша-
ютъ съ интересомъ, когда поетъ что-
нибудь изъ Вагнера Литвинъ или Шаля-
пинъ продуцируетъ русскую музыку.

До общего правила здѣсь далеко.

Желательно, чтобы дирекціи взяли са-
ми на себя починъ упорядочить этотъ
номеръ.

Наша публика не будетъ протестовать,
если ей поднесутъ музыку маркой выше,
чѣмъ она привыкла къ тому.

Здѣсь не Испанія. Въ Мадридѣ трудно
бороться съ этимъ зломъ. Тамъ публи-
ка, какъ приходилось слышать отъ га-
стролеровъ дирижеровъ, среди симфоній
держитъ себя въ высшей степени развязно:
аплодируя среди исполненія пона-
вившей ей темъ и не стѣнясь свиста-
ть сложной и мало понятой съ пер-
ваго раза ихъ разработкѣ.

В. СЕНИЛОВЪ.

ПЮРЬМОВЬДЪКЪ

ЦВѢТЫ ТЮРЬМЫ.

XXXVI.

Свѣтъ твердитъ, что малодѣтней
 Я увлекся. Свѣтъ несомнѣнъ—
 Радъ заняться новой сплетней.
 Ей шестнадцать полныхъ веснень...
 Вѣдь была юнѣй на свѣтъ
 Этой маленькой Ревекки
 Джулетта Капулетти
 У Ромео ди Монтеки...
 XXXVII.

XXXVII.

Чудный камень.

Тема Гейне.
 Донъ Луи Фернандо Перецъ Акайа.
 Былъ счастливѣйшимъ на свѣтъ дономъ,
 ибо
 Въ перстнѣ камень ангелитъ имѣлъ чудесный,
 Удивительнѣйшимъ свойствомъ всѣмъ
 извѣстнѣй:
 Если въ перстнѣ съ колокольни кто
 бросался,
 Этотъ камень невредимымъ оставался.
 Я почти какъ донъ Луи Фернандъ до-
 колонъ,
 Хотѣю думать бросаться съ колокольни:
 Удивительнѣйшій перстень мнѣ дарованъ,
 Въ нѣтъ я такъ же, какъ сей докъ, га-
 рантированъ.
 Въ перстнѣ камень чудный — «Непри-
 косновенность».
 Принимилъ сей имѣть ангелита цѣнность.
 Самого меня куда угодно бросить:
 Ночью въ три часа воруются, судъ не
 спросить.
 И очутиться въ темницѣ, какъ ведется...
 Ну, а принципъ—невредимымъ остается.

XXXVIII.

Ты пришла, полна свободы,
 Претворяешь правду въ сонъ
 И моей каморки своды
 Раздвигашь, какъ Самсонъ.
 Ты пришла. Мы съли ряломъ.
 Вновь твоя рука въ моей.
 Бриллиантовымъ каскадомъ
 Брызжетъ смѣхъ твоихъ рѣчей.
 Ты пришла. И вновь я веселъ,
 И вокругъ все расцвѣло,
 И дверной глазокъ завѣсилъ
 Я тюремщику на зло.

XXXIX.

Я приду къ тебѣ, бывало:
 Все разбито, перевернуто,—
 Весь измученный, истраченный,
 Весь истерзаннѣй судьбой.
 Взглянешь ты... Какъ покрывало
 Съ глазъ моихъ и съ сердца слернуто,—
 Прѣжней бодростью охваченный,
 Вновь стою передъ тобой.
 Молодъ, счастливъ вновь на диво...
 То глажу любовно въ оченки,
 То начну, какъ четки, бусы я
 На груди перебирать...
 Отведешь ты шаловливо
 Руку, но слержать нѣтъ моченки...
 И щекочугъ волны русыя,
 Бьютъ въ лицо мое опять...
 Гдѣ ты, мой ребенокъ? Гдѣ ты
 Въ милой кофточкѣ сиреневой,
 Въ безпечальной неизмѣнности
 Годубчъ твоихъ очей...
 Приголубь опять поэта,
 Разсмѣши, переоцѣнивай
 Шуткой дѣтскою всѣ цѣнности
 Сердца и души моей...

XL.

Ту-ту-тукъ... И днемъ, и ночью эти звуки раздражаютъ.
 Семь недѣль сижу въ неволѣ—семь вѣсковъ сижу подрядъ.
 Эти звуки—эти стуки интригуютъ, заражаютъ.
 Это стѣны протестуютъ. Это камни говорятъ.
 Какъ хотѣлось бы понять мнѣ, что твердятъ нѣмые камни.
 Чу? Стучитъ сосѣд мой слѣва. Отчего же я молчу?
 Мой сосѣд совсѣмъ недавний. Не отвѣтитъ «акрбужа» мнѣ.
 А отвѣтитъ—эка важности!—Я обиду прогложу.

Ту-тукъ. Ту-ту-ту-тукъ (к)
 Ту-ту-тукъ. Ту-ту-тукъ. (т)
 Ту-ту-тукъ. Ту-ту-тукъ (о)
 Тукъ.-Ту-ту-тукъ. (в)
 Ту-ту-ту-ту-тукъ. Тукъ (ы)

Я—къ ключу. Волнуюсь. Роюсь. И вопросъ читаю:—«кто вы?»
 Я въ восторгѣ: мной открыта пониманья камней нить.
 Я отвѣтъ пишу на цифрахъ. А когда онѣ готовы,
 Я по нимъ стучу, стараясь каждый стукъ не проронить.

Ту-ту-тукъ. Ту-ту-ту-тукъ. (п)
 Ту-ту-тукъ. Ту-ту-тукъ (о)
 Ту-тукъ. Ту-ту-ту-тукъ (к)
 Ту-ту-тукъ. Тукъ (л)
 Ту-ту-тукъ. Ту-ту-тукъ. (о)
 Ту-ту-тукъ. Ту-ту-тукъ. (н)

ВИКТОРЪ.

V.

Панкратова повезли на одномъ из-
 возчикѣ. Виктора на другомъ.
 Въ тюрьмѣ, въ приемной они встрѣ-
 тились, но не удалось и двухъ словъ
 перекинуть.
 Ихъ разсадили по разнымъ камерамъ.
 У Виктора отобрали часы, перочин-
 ный ножъ, ремешъ.
 — И помочи пожалуйста. Не полага-
 ется.
 — Это почему?..
 — На помочахъ повѣситься можно.
 Викторъ вздрогнулъ и отдалъ по-
 мочи.
 — Повѣситься, — думалъ онъ: — Значитъ, дѣло приняло не шуточный оборотъ. Неужели изъ-за такого дѣла, какъ мое, можно повѣситься.
 Онъ осомтрѣлся. Была половина чет-
 вертаго ночи. Утро уже брезжило и отъ взбравшагоса подъ потолокъ маленькаго окошечка шли молочныя облор-
 брсыя полосы. Низъ камеры по горло были окрашенъ черной краской, верхъ свѣтло сѣрой.
 — Точно гробъ!
 — Ну, покойной ночи!—пожелалъ тюремщикъ; указывая на нарочнообразную вѣдланную въ стѣну кровать.
 Викторъ остался одинъ.
 — Покойной ночи! А какую ночь проведетъ сегодня мамки!. Вѣдь я съ утра исчезъ изъ дома... Какой день она проведетъ завтра... Бросится къ Запольскимъ,—узнаетъ, что мнѣ отказали отъ дома... Напугаетъ Лидю... Какой день проведетъ Лидя!.. Въ гимназій узнаютъ объ исчезновеніи Николая Николаевича и осомъ... Можетъ быть, ужъ въ газе-

тахъ его имя рядомъ съ такимъ уважаемымъ именемъ, какое у Николая Николаевича.
 — Конечно, меня выпустятъ сегодня же... Допросятъ и выпустятъ... Не о чемъ и допрашивать, собственно... О красномъ флагѣ?.. Но что такое красный флагъ.. Ничего политическаго не было написано... «Свободная наука»... «Изна-
 нѣ шпюновъ изъ гимназій»... Это все не политика... Развѣ придется къ проглоченной запискѣ... Но не могу же я подвести Лидю... Придется, что за-
 стали меня ночью въ квартирѣ Панкратова... Но, вѣдь, и онъ же не крамольникъ... Онъ даже внѣпартійный... И его выпустятъ и меня... Жаль только, что завтрашняя процессія не состоится... А можетъ быть и это къ лучшему...
 Такъ успокаивалъ себя Викторъ, дѣлая крупные шаги по камерѣ— шесть туда и шесть назадъ.
 — Да... да... насъ отпустить и мы вернемся... героями. Вѣдь, изъ гимназій нашей еще никто не попадалъ въ тюрьму по политическому дѣлу... Да... я вернусь героемъ... и Лидя еще больше будетъ гордиться мной...
 Усталость взяла свое и онъ упалъ на кровать и заснулъ. И во снѣ не выдаль ничего. Не слышалъ какъ ровно въ шесть часовъ раздался звонокъ, по которому начинается день въ тюрьмѣ.
 Не слышалъ, какъ въ его камеру входилъ уголовнаго типа парашникъ. Не слышалъ, какъ по звонку внизу уголовному хоръ затянулъ нестройно, но громко молитву.
 ... «и Твое-е сохраня-а-я крестомъ Твоимъ жительство...»
 Эти заключительныя слова разбудили Викторъ:
 — Жительство, — машинально повто-
 ритъ онъ съ и недоумѣніемъ оглядѣлся.
 Онъ заснулъ событія ночи и не сразу понялъ, что за жительство передъ нимъ.
 Всего больше его удивила дверь. Она смотрѣла на него своимъ глазомъ. И Викторъ казался, что у этого одноглазого существа есть ротъ. И этотъ ротъ осклабился въ язвительную улыбку. И

вдругъ раскрылся и заговорилъ:
 — Кипяткомъ!
 Бикторъ сѣлъ на кровать, протеръ глаза, не понимая, въ чемъ дѣло. А одно-
 глазое существо повторило:
 — Кипяткомъ!
 Викторъ, который заснулъ, не раздѣ-
 ваясь, вскочилъ и побѣжалъ къ двери.
 Онъ уже разобралъ, что это не ротъ, а
 дверная форточка, на подобѣ той, какая
 бываетъ въ нѣмкаторахъ кассахъ.
 — Что вамъ угодно,—спросилъ Вик-
 торъ.
 Человѣчій голосъ объяснилъ ему, что
 онъ долженъ наполнить кипяткомъ мѣд-
 ный кувшинъ, закрывающій самоваръ и
 умывальный приборъ.
 — Да у васъ чай-то есть ли?
 — У меня ничего нѣтъ.
 — Надо выписать. У васъ были деньги?
 — Нѣтъ, не было. Надо написать ма-
 мѣ... Впрочем, не стоитъ. Меня сегодня
 же вѣроятно выпустятъ. Я попалъ по
 недоразумѣнію.
 Ротъ двери закрылся. И по прежнему
 лишь глазъ смотрѣлъ на Виктора съ
 нѣмымъ вопросомъ.
 Такъ начался первый день заключенія
 Виктора. Начался фразой:
 — Меня сегодня выпустятъ...
 И дѣлать недѣлю повторять онъ эту
 фразу. И каждый день все меньше и ме-
 нѣе убѣренно звучала она.
 — За что меня держатъ? Ну, не не-
 дѣло ли это! За кусокъ красной матери-
 ри! За проглоченную любовную записку!
 За проводы любимаго учителя!.. Но изъ
 красной материи флагъ еще не былъ
 сдѣланъ! Любовная записка не преступ-
 леніе! Проводы Панкратова не состоя-
 лись!.. За что же меня держатъ!.. Нѣтъ,
 меня сегодня же освободятъ...
 И когда около двери раздавался звонъ
 тюремнаго надзирателя, Викторъ вздра-
 гивалъ и съ надеждой взглядывалъ на
 безстрастный глазъ двери.
 Прошла еще недѣля и порой тревога
 начала охватывать его душу и ему казало-
 сь, что совершенное имъ—ужасно:
 — Красный цвѣтъ — революціонный

цвѣтъ! Требованіе свободной науки—
 политическое требованіе! Проводы Пан-
 кратова—политическая демонстрація,—
 протестъ теперешнему режиму... Да и
 самъ Панкратовъ политическій дѣятель,
 такъ что близость его со мной уже ули-
 ка противъ меня... Да... Я—политическій
 преступникъ... Меня не могутъ скоро
 выпустить.
 И гордость, и тревога, и бравированіе
 своимъ положеніемъ, и слезы...
 Да, мальчишескія слезы оросили его
 глаза въ пятницу... Въ тотъ самый день,
 когда было назначено свиданіе съ Лидей
 у Прятелевыхъ...
 Боже мой, какъ дорога Виктору эта
 дѣвушка и сколько бумаги извелъ онъ
 на стихи, посвященные ей.
 Письмо къ матери онъ давно напи-
 салъ.
 Но отвѣтъ пришелъ черезъ полторы
 недѣли,—письмошло черезъ прокурора,
 черезъ жандармовъ, и еще черезъ кого-то.
 Въ этомъ письмѣ мама, милая мама,
 которая вѣроятно сама изстрадала и
 упала духомъ, ободрять его и убѣждать,
 что «недоразумѣніе разъяснится».
 Мама, милая мама! Какъ для него
 многозначительна приписка въ концѣ
 письма:
 «...Лидочка каждый день забѣгаетъ ко
 мнѣ. Она больше меня волнуется. Но
 теперь и она успокоилась, потому что
 отецъ ей, познанившись съ твоимъ
 дѣломъ, рѣшилъ, что это недоразумѣніе.
 Лидочка тебѣ кланяется. Пиши ей че-
 резъ меня».
 Пошла третья недѣля.
 Пошучасовая прогулка на одиночномъ
 дворикѣ, какъ для важныхъ подсѣдѣ-
 венныхъ арестантовъ, не удовлетворяла
 Виктора. Онъ задыхался. Ему нужно было
 воздуха, свѣта, любви, шумнаго, го-
 ворливаго молодого общества, кипучей
 жизни, которая чаровала его своими
 чарами запретныхъ плодовъ...
 Ему не разрѣшили даже пятиминут-
 ныхъ свиданій съ матерью.
 А объ Лидочкѣ и говорить нечего.
 Онъ ждалъ теперь ужъ не того момента,
 когда распахнется дверь и скажутъ:

— Очень просто. Стоит только тебе надеть брюки задом наперед...

— Au rebours! — Вот именно... Тогда мы не будем терять даром времени. Пока отдыхает правая рука, будет работать левая. И наоборот.

Сказано — сделано. Но увы... из надётых au rebours брюк рубли выходили только фальшивые.

Брюки действовали, только надётые

КНИГИ.

Николай Мучник. Женские силуэты. — Федор Сологуб. Родинь, стихи. — Л. Ждановъ. Цари и опричники. — Словари.

Прочел книгу г. Николая Мучника «Женские силуэты».

Плохо пишет г. Николай Мучник. Въ немъ, какъ въ плохомъ, запыленномъ стеклѣ, тускло отражаются многие.

Не то Чеховъ, не то — Мопассанъ... быть можетъ еще кто-нибудь.

Читая скверныя произведения Мучника, на каждой страницѣ кого-то вспоминаешь, — ни одной оригинальной, своей черточки... Скучно и безцельно!

И по прочтении его очерковъ и рассказовъ — «Фру-Фру», «Колibri» и др. съ экзотическими наименованіями, въ памяти читателя не запечатлѣвается ни одного образа, ни одной строчки...

Все прочитанное сливается въ сплошную, никому ненужную, тусклую бредь, хотя и написана книга авторомъ съ большими, но безадажными претензіями на занимательность.

Но за то какъ отрано перейти отъ произведений г. Мучника къ талантливой книжкѣ стиховъ Федора Сологуба.

Среди кучи книгъ г. Ждановыхъ, Мучниковыхъ, Косарей стихи Федора Сологуба — оазисъ въ пустынь.

Глубокий поэтъ индивидуалистъ по своему подошелъ къ переживаніямъ нашей эпохи «бури и натиска».

Оригинальность и глубина замысла, колоритный образный стихъ, сила настроенія — все это въ большой мѣрѣ дано Сологубу.

Поэтъ горячо любитъ свою «милую» убогую родину («Милѣ нѣтъ на свѣтѣ края, о родина моя!») и весь онъ обвѣянъ ея безграничнымъ отчаяньемъ,

Но и въ отчаяніи есть сладость, Тебѣ, отчина, стонъ и радость, И безадажность, и покой.

Любовь отчаянья. Поэтъ поетъ скандную красоту ея суровыхъ просторовъ. Онъ молится ей.

Печалуетъ онъ о «русскомъ сердцѣ», затерянномъ въ чуждаленныхъ странахъ, гдѣ «Земля весела и красна», гдѣ оно

Въ безумныхъ напрасныхъ томленьяхъ, Томясь, какъ заклятая тѣнь, Тоскуетъ о скудныхъ селеньяхъ, О дымѣ родныхъ деревень.

Въ прекрасной балладѣ «Отъ злой работы палачей» поэтъ рисуетъ мрачную кровожадную царицу, любящую радости жизни и пышности, и вмѣстѣ съ тѣмъ — изнывающую въ неутолимомъ тоскѣ по острѣмъ безумнымъ впечатлѣніямъ.

Приведу ее цѣликомъ. Она любила блескъ и радость, Живья тайны красоты, Плодовъ медлительную сладость, Благоуханныя цвѣты.

Одѣта яркой багрянцей, Какъ ночь мнѣвѣнная, свѣтла, Она любила быть царицей, Ее плѣняла похваля.

Ее въ нарядѣ гордомъ тѣшилъ Алмазъ въ лучахъ и алый лаль, И бармы царскія обвѣшали Жемчугъ шуршащій и коралль.

Сверкало золою чертога, Горѣлъ огнемъ и блескомъ своды, И звонко пѣло у порога Паденье раздробленныхъ водъ.

какъ слѣдуетъ. И только на мнѣ. И только я одинъ имѣлъ силу доставать настояще серебряныя рубли.

Выдумки жены не принесли намъ никакой пользы. Мы потеряли только время на передованіе.

Боже, какъ жалѣла объ этомъ жена. Я и не зналъ, что она у меня такая жадная до денегъ.

ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКІЙ.

(Продолженіе будетъ).

Пылаѣ багрянцемъ пышныхъ тканей На обломъ холодъ колоннъ, И знойной радостью желаній Былъ сладкій воздухъ напоенъ.

Но тайна тяжкая мрачила Блестящей славы дивный домъ: Царица въ полдень уходила, Куда, — никто не зналъ о томъ.

И возвращаясь въ кругъ веселый Прелестныхъ женъ и юныхъ дѣвъ, Она склоняла взоръ тяжелый, Она таила темный гнѣвъ.

Къ забавамъ легкаго веселья, Къ турнирамъ взоровъ и рѣчей, Влеклась тоска изъ полземель, Отъ злой работы палачей.

Тамъ истязуемое тѣло, Волы и корчась, и томясь, На страшной висѣкѣ тяготѣло, И кровь тяжелая лилась.

ИСТИННО-РУССКІЕ АПОСТОЛЫ.

Въ дополненіе къ статьямъ объ истинно-русской богородицѣ и истинно-русскихъ апостолахъ помѣщаемъ фотографическій снимокъ съ чайной вечери.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

ЛИЦУ, ПОДПИСАВШЕМУСЯ: ОДИНЪ ИЗЪ ВРАЧЕЙ.—Для меня весьма желательны были бы личныя бесѣды съ вами по дѣлу Цитовича. Прошу пожаловать отъ 11 до 12 часовъ въ любой день.

В. БАТ...—Ваша анкета среди рабочихъ меня заинтересовала. Присылайте матеріалъ (если онъ вамъ нуженъ, я верну въ цѣлости) или сами приходите въ часъ приема.

СТУДЕНТУ А. М. Б.—МОВУ.—На ваше имя мной получено запечатанное письмо. Сообщите вашъ адресъ, или зайдите въ редакцію въ часы приема, чтобы лично его получить.

ВЪ КОНТОРЪ РЕДАКЦІИ

за 40 коп. Можно получить 10 первыхъ номеровъ «Газеты Шебуева». Высылаются наложеннымъ платежемъ за 50 коп.

Въ вышедшихъ 10 №№ Газеты Шебуева помѣщены статьи и стихотворенія Якова Година, И. Турвича, Осина Дымова, Лихачева, Г. О. Розенштейна, А. Рославлева, В. Семипалова, Егения Тулева и Н. Шебуева; рисунки и шаржи И. Бродскаго, А. М. Любимова, В. Н. Ремизова,

Открывши царственные руки, Отявни бичъ у палача, Царица умножала муки Въ злыхъ лобызаняхъ бича.

Въ тоскѣ и въ бѣшенствѣ великомъ, Отъ крови отирая ликъ, Пронзительнымъ, жестокимъ гикомъ Она встрѣчала каждый крикъ.

Потомъ, спѣша покинуть своды, Гдѣ смрадный колыхался паръ, Она всходила въ мѣръ свободы, Вѣнца, лазури и фанфаръ.

И возвращаясь въ кругъ веселый Прелестныхъ женъ и юныхъ дѣвъ, Она клонила взоръ тяжелый, Она таила темный гнѣвъ.

Какъ выпукло явлена перель нами эта, садически жестокая, сладострастная царица!

Изъ другихъ стихотвореній интересно написаны «Спутникъ» и величавый «Соборный благовѣстъ» («Давно въ степи блуждая дикой, вдали отъ шумнаго жилия, внезапно благовѣстъ великій, соборный звонъ услышалъ я. Охваченъ трепетнымъ смятеніемъ, забывши тѣсный мой шалаши, спѣшу къ проснувшимся селеньямъ, твержу: — Товарищи, я вашъ!»)

Торжественно спокойной красотой дышитъ это стихотвореніе «Соборный благовѣстъ».

Поэтъ говоритъ намъ о «вѣчновомъ» колоколѣ, внезапно зазвѣдашемъ.

Онъ долго спать, надъ колокольной Зловѣщимъ призракомъ висѣ, Пока дремотой полневольной Кругомъ земля дремала вся.

Вѣками цѣлѣный онъ въ неподвижномъ снѣ, не откликаясь на голосъ народный.

И лишь порою стонъ неясный Издастъ тоскующая мѣдь, Чтобы въ дремотѣ безучастной Опять бесцельно онѣмѣть.

Но часъ насталъ, запретъ нарушенъ, Разрушенъ давній тяжкій сонъ, Призыву гордому послушенъ Торжественно спокойный звонъ

Дальше поэтъ рисуетъ, какъ «слѣпой судьбѣ» противорѣча, горитъ надеждами

Ф. И. Шаялина и Н. Шебуева; ноты И. Покровскаго и М. Чернова.

Негативъ: Охота за подростками. Оркестровые кресла. Бантъ — судъ. О прворствѣ рукъ. Шубная неблагонадежность. О мирномъ обновленіи. Шрапнели. Гражданский отдыхъ. Мрачный гость. О корсетахъ. Головашина. Рѣчь съ того свѣта. Телеволокаита. Святоотцовство. Рѣчи. Клозетмень. Юго-восточные челоуки. Цари и царицы воздуха. Небогатовишна. Святая шансонетка. Грѣшная грѣшныхъ. Полилъ. Военно-велосипедный судъ. Двадцатое. Гостинецъ. Мытарства. Конфликтъ улаженъ. Торговля казенными лавками. Человѣколюбивая экономія. Анкета. Полемика. Еще о политикѣ. Самовыставка. Истинно русская богородица. Natura. Свобода и жизнь. Гастролерша. Истинно русскіе апостолы. Конкурсы. В. Я. Гольцевъ.

Театръ: Въ театрѣ. Какъ мы съ барономъ интервьюировали Н. Д. Красова и К. В. Бранича. Драма. Въ Городѣ. Уго Намедни. Гдѣ скрывается. Сестра Беатриса. Вѣчная сказка.

Музыка: О Покровскомъ. Концерты. Опера. Этюды. Памяти Стасова. Максъ Регеръ. Музыкальная Выставка. Какъ хороши, какъ свѣжи были розы. А. К. Глазуновъ. Какъ мы съ барономъ были на выставкѣ «Зимній Павловскъ».

Живопись: Академическіе лавры. Молодое.

востокъ, и праздникъ радостнаго вѣча, великій праздникъ недалекъ» и кончаетъ угрозою и негодующе:

И вопль враждующихъ проклятій Его побѣды не смутитъ.

Кромѣ стиховъ Сологуба, въ редакцію присланы для отзвѣта исторической романъ г. Жданова «Царь и опричники».

Отзывается о немъ считаемъ излишнимъ, такъ какъ, вѣроятно, г. Ждановъ самъ оцѣнитъ себя по заслугамъ, приславъ новую самокритику.

Примѣръ, вполне достойный подражанія. О Словаряхъ «общественно политическомъ» и «по рабочему» и «аграрному» вопросамъ можно сказать, что составлены они толково и въ нихъ имѣется самая насущная потребность.

Пожелаемъ имъ широкаго распространенія.

МИМЪ.

Какъ мы съ барономъ были на выставкѣ «Мирно».

Литературный мѣръ: У Федора Сологуба. Органъ. Веселые вѣдцы. Молодые.

Судобный мѣръ: Омуть. Судъ и адвокатика. Смирновка.

Фельетонъ: Сказка обо мнѣ, о моей женѣ и синицкѣ Жоржикѣ. Грязное блѣе. Юмористъ. Маскарадъ Пожертвуйте, что вамъ не нужно. Танька Беканька. Какъ мы съ барономъ были на выставкѣ кожи, пуха и пера. Какъ я избавился отъ ревности жены. Сказочка о фельетонистѣ газеты «Истинно-русское слово». Двугривенный Викторъ. Сказка о метранажѣ петербургскаго газетна. Сказка о томъ, какъ я сбѣгалъ миллардеромъ.

Торжественный: Обстановка. День. Послѣ обѣда. Тренировка. Торжественнаго развлечения. Игра въ пятнышки. Цвѣты тюрьмы.

Стихотворенія: Якова Година—Царица. На хуторѣ. Гурвича—Сказка. Великій полдень. Лихачева—Молитва Сиракузянки. Рославлева—Топля. Евгения Тулева—Шляя. Погромъ. Н. Шебуева—Зелени. Наборщикамъ. Пропулка кадетъ. Ошибка. Шутка. Невольничій рынокъ.

Японскіе вечера: Предисловіе. О воиѣ и мирѣ.

Психиатрическіе этюды: Со святыми упокой.

Ноты: Прелюдія и Мазурка Покровскаго, Незабудка и Колокольчикъ Чернова.